

Сергей Дёмин

ШИЗА З.КА

18+

Сергей Дёмин

ШИЗА З.КА

«Автор»

2026

Дёмин С.

ШИЗА З.КА / С. Дёмин — «Автор», 2026

Первая книга из трилогии. Главный герой просыпается в тюрьме и ничего не помнит. С ним происходят инциденты, при которых он теряет контроль над своим телом и творит странные вещи. Никто не объясняет ему кто он и как сюда попал, но со временем он начинает понимать, что в тюрьме оказался не случайно. Происходящее там порой кажется нереальным и отвлекает его от того, чтобы разобраться в ситуации. Потеря контроля над собой происходит в самые неподходящие моменты и скрывает от него правду, но в итоге он узнает то, о чём многие хотели бы забыть навсегда. Первая книга будет состоять из двух частей. Первая часть - глазами главного героя. Вторая расскажет нам, что происходило вокруг него в действительности. Сложно поверить, но большинство персонажей из книги имеют реальных прототипов, преувеличивать "достоинства" которых автор не стал - они и так слишком невероятные.

© Дёмин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9

Сергей Дёмин

ШИЗА 3.КА

Глава 1

Шиза 3.ка

Часть №1. «Глазами психа»

Глава №1. Спасибо за смерть.

Состояние заключённого: потеря независимости и индивидуальности. Попадая под огромное давление, он зачастую сталкивается с депрессией и нервным срывом. Но бывает и гораздо хуже...

Осуждённый Дягилев А.А. сидел в одиночной камере 2х3 метра, может меньше. От очередного приступа клаустрофобии напряглось всё тело. Сидеть на табуретке было сложно – болела спина. Сел на пол спиной к стене, но пол был ледяной, да и стена тоже, но так хоть немного поудобнее.

Холод стал проникать внутрь тела и добрался до почек, которые заныли так, что стон вырвался сам собой. Застонал Дягилев не только от холода и боли, но и от усталости душевного состояния. Привыкнуть к физическому дискомфорту ещё как-то можно, но к душевному – нельзя! За стоном посыпались проклятья, злость переполняла.

Поскольку деть себя было некуда, Дягилев всё своё внимание периодически направлял на стену, которая напоминала ему древние развалины. В зависимости от того, как на неё падал свет из маленького окна под потолком, там появлялись разные образы. Поэтому Дягилеву особенно нравились закаты – солнце садилось быстро, угол падения света менялся прямо на глазах и можно было вообразить что-то живое. Или что стена живая.

Иногда на стене Дягилев видел лица, которые смеялись над ним, но он ничего не мог с этим поделать – даже когда он отворачивался от стены, всё равно чувствовал, что лица никуда не делись и по-прежнему смеются над ним.

Чёртова стена!

Она смеялась над арестантом вместе с лицами на ней! В эти минуты он ненавидел её и она знала это. Она была живая! Она подползала к нему всё ближе и ближе, и вот уже смеялась ему прямо в ухо. От напряжения бросало в пот, который щипал глаза, но вытереть было нечем - руки грязные и потные, как и все вещи на нём. Ладони становились холодными, тело немело, ноги не слушались. Пребывая в подобном ступоре, Дягилев не чувствовал мир вокруг себя от слова совсем. Ничего не было, словно никогда и не существовало – только он и эта проклятая стена! Он кричал, но сам себя не слышал, надрывая связки в полной тишине, будто и звуков, вместе с остальным миром, не существовало вовсе!

Но потом Дягилев что-то вспоминал, брал себя в руки и стена покорно отодвигалась на своё место.

«Я живой!» - говорил он себе.

Что-то не давало ему становиться реально сумасшедшим, какая-то цель, которую он не позволял себе забывать.

Теперь это снова обычная, облезлая стена.

Когда она не угрожала ему расправой, он снова мог слышать себя, но говорил мало и тихо, словно боялся разбудить стену. Она была ему и другом, и врагом, то показывая что-то красивое, то вновь пытаясь раздавить его. Но больше у него никого и ничего не было.

Только эта чёртова стена!

Уже долгое время Дягилев находился в этом мусорном баке человеческих отходов размером 2х3 метра. Год или два – он давно сбился со счёта.

Он давно бросил попытки и надежды выбраться отсюда. Гораздо легче было просто сойти с ума, о чём он уже начинал иногда мечтать, но что-то его держало в разумном мире и не давало сгинуть. Ногти и волосы давно повывадали от влажности, сырости, холода и голода. Раз в день ему приносили тарелку с жидкостью, в которой плавала редкая капуста, и кусок грязного хлеба. Пару раз в месяц в тарелке оказывалась ещё какая-то еда, но понять, что именно, было невозможно – просто какой-то комок, который можно было разжевать дёснами и остатками зубов. И не факт, что это вообще была еда, может охранники издевались и кидали в тарелку грязь, но выбирать не приходилось.

В какой-то момент тело Дягилева А.А. пронзило током и он выгнул спину. Что-то ползло по его спине! Дягилев резко вскочил, отчего сильно закружилась голова, начало тошнить и свело левую ногу, но он смог устоять и сдёрнуть с себя робу, которая висела на нём, как на палке, и швырнуть её на пол. Из-под робы вылез таракан. Мерзкое животное. Но всё же это животное! Живое существо!

После того, как шок прошёл, желудок напомнил мозгу, что это еда. Дягилев давно ничего не ел, кроме капусты на воде. А последние дни капуста была сильно кислая, с отвратительным запахом, который появлялся в камере задолго до самой капусты, отбивая всякий аппетит.

Но есть таракана Дягилев не стал, он сел рядом и смотрел на него. Это была своего рода победа за разум и человечность. Оставить таракана живым – стало для него огромным событием, которое вернуло его к реальности. Словно оплеуха судьбы, напоминающая, что он был не один, что есть мир вокруг и что жизнь продолжается! Не всё ещё потеряно!

В эту минуту открылся кормяк (окошко в двери, через которое кормят арестантов), но вместо миски с вонючей капустой, послышался голос: «Андрей Андреевич, вам привет от Проканова Олега Борисовича!»

Дягилев, не веря своим ушам, повернулся к двери и увидел ствол пистолета, торчащий из кормяка. Но выстрела не было, словно убийца чего-то ждал. Дягилев попытался встать и получилось не сразу. Но как только он встал и сделал шаг к двери, прогремел выстрел.

Дягилев скорее оглох, чем испытал какую-то боль. Звон стоял невероятно громкий и гул в голове напоминал эффект от взрыва бомбы. Что-то тёплое потекло по ногам и Дягилев опустил голову, чтоб посмотреть.

Кровь.

Сознание начало понемногу уходить. Дягилев забыл про таракана, про надежду, про свою маленькую победу... Усталость вылезла на первый план, а точнее её отступление. Он почувствовал облегчение.

Дягилев лишь тихо произнёс: «Спасибо...» и упал.

Глава 2

Глава №2. Тремя годами ранее.

В тот день я вроде как впервые в жизни открыл глаза. Странное чувство, когда ничего не помнишь. Первые минуты были наполнены отвращением, достаточно было просто оглядеться, чтобы понять, что нахожусь я в плохом месте и с плохими людьми.

Почему-то посетила мысль, что при виде жертвы люди чувствуют себя виноватыми и это вызывает ненависть к себе. Но по-настоящему ненавидеть себя очень тяжело и мозг перенаправляет агрессию в сторону жертвы. Поэтому ни в коем случае нельзя становиться жертвой, тем более в незнакомом месте с кучей незнакомых людей. Тем более, если один из них соскребает старую краску с многократно перекрашенной койки в свою сигарету и закуривает её на твоих глазах.

Может я психолог?!

- Отвали! – Сказал я соседу по койке, который протянул мне сигарету с краской. И это было первое моё слово! Свой голос я не узнал, поэтому этот момент крепко засел в моей памяти.

- Оп-па, Вася, ты шо грубишь? Если не хочешь, нам больше достанется! – Радостно выкрикнул молодой паренёк с белорусским акцентом и отвернулся. Он сидел на соседней койке лицом ко мне, но затем перекинул ноги на другую сторону койки и задымил.

- Я не Вася, - вырвалось у меня, но уверенности в этом не было, - или... - тут я завис.

- Или шо?! Ты шо, не уверен Вася ты или не Вася?! Ты случаев не отработываешь?! – Сказал парень, даже не поворачиваясь, будто говорил кому-то другому. Затем последовал отвратительно-дебильный смех.

- Кого? – Спросил я.

- Шо кого?! – Вопросом на вопрос ответил белорус.

- Кого отработываю?

- Не кого, а чего. Диагноз! Вася, ты походу точно отработываешь! – Ответил белорус и повернул голову, чтоб посмотреть на мою реакцию. Глаза блестели, это была явно не первая его сигарета с краской.

Кто-то крикнул с другого конца комнаты:

- Под психа косит! Ладно, братуха, передавай дальше сигарету, тлеет же!

Я смотрел на всё вокруг и не мог вспомнить ни своего имени, ни что я здесь делаю, ни самого места, ни этих подозрительных людей, общающихся друг с другом исключительно матом. Вообще ничего!

Это вызвало во мне жуткую ярость! Я попытался успокоить себя, но услышал странный гул. Как будто за окном включили мощный генератор. Звук становился всё громче и громче, и теперь складывалось ощущение, что гул идёт от всех стен и каждого предмета в комнате. Он заполнял всё пространство и вскоре проник внутрь моей головы. Теперь я ничего не слышал, кроме него, даже своего голоса!

Я потерял контроль над собой, вскочил и уложил одиннадцать человек, сидящих со мной в комнате. Они что-то кричали, но в моей голове был только один гул. Одного за другим я вырубал то об металлическую кровать, то об стенку, то просто сильным ударом под нужным углом, отправлял в нокаут. Почти все были молодыми парнями не более 30 лет, кроме одного постарше – ему на вид под пятьдесят.

Я кто-то из спецназа?!

Под конец стало страшно за себя. Зачем я это сделал? Кто я такой? Что я вообще делаю в тюрьме? А ведь я определённо был в тюрьме! Койки, решетки на окнах, тумбочки и

табуретки прикрученные к полу. О последних я узнал, когда пытался поднять одну из табуреток, чтобы проломить парню голову, но в итоге пришлось наоборот – прикладывать голову парня к табуретке. От переменны мест слагаемых итог, в виде разбитой головы, не меняется.

Я сумел не перейти грань и просто отключил им всем сознание на время, опыт в этом деле у меня явно был немаленький. Хоть вокруг всё было в крови, но главное, что все остались живы! Вроде.

Глава 3

Глава №3. Небо за решёткой.

Оперативному сотруднику не пришлось долго объяснять, что я ничего не помню – он мне сразу не поверил и на всякий случай предупредил, что если я буду сопротивляться, то «повесит на меня нападение на сотрудника». Бил слабовато, я бы даже сказал не серьёзно. Но отомстить ему захотелось от этого не меньше.

Добиться от меня он ничего не смог. Даже если б я хотел, то сказать мне всё равно было нечего. В итоге меня отправили в ШИЗО (штрафной изолятор).

Маленькая, вонючая, грязная комнатёнка, с открытым туалетом. Здесь явно давно не убирались. Лет 20, не меньше. Кровать пристёгнута к стене, сесть некуда, разве только на корточки. Ноги быстро затекли и я начал ходить туда-сюда. Ну, как ходить... полтора-два шага и разворот. Особо не разгуляешься.

Злило то, что я ничего не мог вспомнить! Злило чувство беспомощности! До отвержения злила грязь вокруг и вонь из туалета!

Спустя бог знает сколько времени открылся кормяк и оттуда появилось очень грустное лицо какого-то парня. Видимо тоже арестанта. Их в тюрьме привлекают на разного рода работу.

- Есть будешь? – Спросил он монотонным голосом.

- Нет. – Почему-то отказался я, хоть в желудке урчало уже давно.

- До утра будешь голодный?! – Не унималась грустная голова и не зря, я решил успокоиться и поесть.

Время в тюрьме тянется бесконечно долго, но когда оглядываешься назад, ощущение, что прошёл один миг. И вот, спустя один такой миг в несколько дней, дверь открылась и меня куда-то повели. Оказалось, что мыться. Дали маленькое вафельное полотенце и кусок мыла. И это был настоящий праздник! Хоть и дали всего 15 минут, стоял я до последнего. Меня выгоняли чуть ли не силой.

Это сложно объяснить, это можно только прочувствовать, находясь внутри системы: когда весь твой мир съёживается до пары квадратных метров грязи и вони, а всё твоё общение сводится к унижению со стороны сотрудников, спустя какое-то время открывается путь наименьшего сопротивления. Путь этот подразумевает принятие того, что ты дерьмо и жизнь твоя дерьмо. И тогда жить станет легче в окружении всего этого дерьма. Ты как бы сливаешься с обстановкой.

Но, если выбрать другой путь, в котором ты пытаешься остаться человеком, для которого всё это чуждо, придётся помучаться и довольно сильно, потому что выходных дней в этом дурдоме нет, отдохнуть и отдышаться никто тебе не даст.

Но есть моменты, когда два раза в неделю по 15 минут ты стоишь под напором воды, которая бьёт тебе в голову и растекается по ушам так, что кроме воды ты ничего не слышишь, а телом, кроме воды, ничего не чувствуешь, ты забываешь обо всём... Вода смывает весь негатив, всю вонь, всю злобу и ненависть.

В зависимости от смены, иногда дают помыться чуть дальше. А иногда можно и дубинкой получить по почкам, если хоть на минуту задержишься, тогда негатив возвращается быстро, но сделать с этим ничего нельзя. В одиночку против системы не попрёшь.

И снова монотонные дни меняли друг друга с непонятно какой скоростью. Времени подумать было много, вот только, думать было не о чем – я так ничего и не вспомнил.

Спустя 15 суток меня вывели, но уже не мыться, а привели в камеру, где было почти 20 человек. Зашёл я молча, мне показали на единственно свободное место, куда я и бросил

матрац, за которым зашли по пути. В одиночке у меня матраца не было, но меня это совсем не волновало, были проблемы, которые волновали меня гораздо больше!

Кто я такой?!

В камере стояла гробовая тишина и это явно было из-за меня. Кто-то на меня косился, а кто-то смотрел не стеснясь. Тишину прервал высокий и жутко худой мужик. Он подошёл спросил, кто я и что за статья, но безрезультатно - мне было нечего сказать.

После короткого и очень странного разговора, в процессе которого я сказал лишь пару слов, а собеседник долго и пристально вглядывался в мои глаза, нас перебил сильно пожилой зек, сказав тому отстать от меня. И объяснил, что есть правило трёх гостевых дней: даётся три дня, чтобы новичок присмотрелся, как живёт хата и люди в ней, а уж потом и сам начал принимать участие наравне со всеми. Но это не значит, что можно делать что угодно. Приветствуется «проявление интереса». Т.е. надо спрашивать что, как и почему. Но слово «спрашивать» в тюрьме заменено на «интересоваться» и это порой звучит довольно глупо.

В первый день мне дали понять, что в курсе моего беспредела в предыдущей камере. Но я не смог всех успокоить, потому что сам не знал, что это было. Попробовал объяснить, что услышал сильный гул, который нарастал всё сильнее и сильнее, пока я не ощутил, что телом уже не управляю, а спустя несколько минут, в камере остался в сознании я один. Не надо говорить, что мужиков эта новость не обрадовала. Напряжение только возросло. Народ решил, что кто-то будет всегда бодрствовать, чтобы присматривать за мной, а меня попросили сразу предупредить, если начнётся тот самый гул.

- А где я нахожусь? – После расспроса я немного расслабился и решил узнать нужные мне вещи.

- Считай, что дома, если в дурку не заберут. – Ответил пожилой.

Я счёл данный ответ нежеланием со мной разговаривать и не стал продолжать.

В этой камере не было отморозков, которые соскребали краску с коек в сигарету, не было много мата, да и в целом было терпимо, если ни на кого не смотреть и ни с кем не говорить.

Кормили отвратительно, но зато спали много. Приятно было то, что можно лежать на кровати сколько угодно, да ещё и с матрацем! В одиночке кровать была пристёгнута к стене и опускалась только на ночь с 22.00 до 6.00. Один край кровати крепился на подвижные уголки к стене, а другой за оба края к металлическим цепям, которые уходили в дырки в стене. В 6 утра эти цепи кто-то тянул, и кровать поднималась, прижимаясь к стене. И так как на пол там лечь было невозможно – он был очень грязный и липкий – то вечером я падал на кровать и вырубался без всякого матраца. А тут спи сколько угодно!

Но на третий день я проснулся с неприятным ощущением *déjà vu* – я один и всё в крови, народ опять разбросан по камере. В этот раз я ничего не видел, потому что инцидент был во сне. Было неудобно перед мужиками, они мне вещей подарили, накормили, а я их вырубил. Нехорошо!

И снова тот же опер (но уже без рукоприкладства), та же одиночка, та же пристёгнутая к стенке кровать... 15 суток.

В третьей камере всё повторилось и в итоге меня прописали в одиночке на 3 раза по 15 суток. Потом перевели в другое здание, где одиночки были побольше и там я уже провёл почти полгода. Странно, но время пролетело быстро, хотя пока я был там, мне казалось, что время вообще остановилось.

Выводили иногда погулять в прогулочные дворики – комнаты где-то 5x5 метров с открытым небом, но небо в решётку из толстых металлических прутьев, между которыми была металлическая сетка так, что даже руку не просунуть, но небо и птиц видно, хоть и за решёткой.